
ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

М.А. САМОХИНА

**ВЛИЯНИЕ НЕЗАВЕРШЕННЫХ ПРОЦЕССОВ
СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИИ НА СТРОИТЕЛЬСТВО
ДЕМОКРАТИИ**

В первое десятилетие XXI в., как и в конце предыдущего, проходили активные процессы государственного строительства и становления наций. Обусловлено это не только относительно недавним распадом крупного имперского образования (СССР), но и другими глобальными процессами, такими как массовая миграция представителей одной культуры в государства с другими культурными нормами. Предпринимаются масштабные попытки демократизации в ряде регионов мира, в том числе и там, где активизировалось становление государств и наций. Однако попытки эти не всегда удачны и подчас сопровождаются ожесточенными конфликтами. С чем это связано? Влияют ли на демократический транзит на данных территориях нерешенные задачи национального и государственного строительства? При каких условиях становление наций и демократизация имеют взаимодополняющую логику, а при каких вступают в конфликт? В данной статье мы попробуем проанализировать основные подходы к ответу на эти вопросы.

«Строительство государств» и «строительство наций» – тесно связанные друг с другом понятия [Мелешкина, 2009]. Тем не менее мы полагаем, что их необходимо различать. «Государственное строительство» относится к институциональной (государственные органы) и территориальной (государственные границы)

сферам. «Национальное строительство» связано с культурными границами, религиозными вопросами, а также с гражданской самоидентификацией населения и политическим структурированием. Принадлежность к нации – не столько этнокультурный факт, сколько политическое заявление людей, требующее от них лояльности и взаимной солидарности.

Государственное строительство представляет собой комплексную проблему, включающую не только решение территориальных вопросов, создание государственных институтов или формирование национальной идентичности, но и укрепление структурной власти государства, а также установление верховенства закона и поддержание легитимности власти на всей территории политической единицы [Jankauskas, Gudžinskas, 2007, p. 187]. Как отмечал Ч. Тилли, «организация, которая контролирует население, занимающее определенную территорию, является государством, если она (а) отграничена от других организаций, действующих на той же территории; (б) независима; (в) ее подразделения формально согласованы между собой» [Tilly, 1975, p. 70]. Для формирования нации нужны четкие территориальные, а также политические и социокультурные границы, предполагающие согласие по поводу критериев определения ее членов.

Как отмечал С. Бартолини, существует связь между стратегиями консолидации внешних (географических) границ и консолидации внутреннего политического тела (социокультурных границ сообщества, проживающего на установленной территории) [Bartolini, 2005, p. 32]. Внутренняя консолидация предполагает, прежде всего, определение критериев нации, формирование национальной идентичности, обеспечение представительства различных интересов. Достижение согласия по поводу политических и социокультурных границ в свою очередь является благоприятным условием для построения демократии, согласно одному из ключевых элементов которой – принципу народного суверенитета – источником легитимности и носителем власти является народ.

На национальное единство как предварительное условие демократизации указывал и Д. Растоу: «Значительное большинство граждан потенциальной демократии не должно иметь сомнений или делать мысленных оговорок относительно того, к какому политическому сообществу они принадлежат» [Растоу, 1996, с. 9].

Поскольку демократия представляет собой систему правления временного большинства, чтобы состав правителей и характер политического курса могли свободно сменяться, границы государства должны быть устойчивыми, а состав граждан – постоянным. Из этого следует, что существует зависимость между демократизацией и национальным строительством.

На вопрос о том, в какой ситуации национальное строительство и демократизация имеют общую логику, а когда противоречат друг другу, пытаются ответить Х. Линц и А. Степан [Linz, Stepan, 1996, p. 30]. Формирование нации предполагает проведение национализаторской политики («nationalizing state»), направленной на усиление культурной однородности путем введения единого государственного языка, пропаганды культурных символов, в том числе гимна и флага господствующей нации, и так далее. Курс на демократию, в свою очередь, предполагает широкое и всеобъемлющее (inclusive) гражданство, когда всем гражданам предоставляются равные личные права. Эти два курса фактически накладываются друг на друга, если все граждане государства идентифицируют себя с одной нацией и если за пределами государственных границ нет территории, населенной представителями проживающей в государстве нации [Линц, Степан, 1997, с. 11]. В иной ситуации легитимность государства начинает оспариваться. Незавершенное строительство наций, связанное с «несоответствием между полисом и демосом» [там же, с. 14], затрудняет формирование оснований единой идентичности, а вместе с ней и всеобщей легитимности власти, столь необходимой для построения стабильной демократии.

Чтобы ответить на вопрос, при каких условиях попытки национального строительства затрудняются, с чем это связано и от чего зависит, обратимся к концептуальной карте Европы норвежского исследователя С. Роккана и его концепции центр-периферийной полярности [Роккан, 2006]. Роккан утверждает, что центр (там, где принимаются важнейшие государственные решения) контролирует основную массу взаимодействий между владельцами ресурсов на всей территории государства, осуществляет контроль над ее информационно-коммуникативными потоками путем стандартизации средств общения, а также в силу сосредоточенности в нем консультативных и представительских институтов. Периферийное положение какой-либо территории, по Роккану, имеет политическое,

экономическое и культурное измерения, а главная характеристика периферийности – это зависимость от центра.

Среди причин противостояния центра и периферий Роккан называет давление со стороны регионов (периферий) на «национальное государство» (властный центр). Региональные политические движения, как правило, идентифицируют себя с конкретной территорией и группой населения. Развивая эту идею, Роккан выделяет два типа пространства – «территориальное пространство» и «пространство членства». «Территориальное пространство» связано с династической экспансией, при которой отдельный центр и его элита в результате завоеваний получают возможность осуществлять контроль над большими территориями. Благодаря эффективной системе административного контроля и политике культурной стандартизации центр обеспечивает себе политическое и экономическое доминирование в пределах захваченной и контролируемой им территории. «Пространство членства» определяется у Роккана через веберовское понятие «*politische Verband*» [Weber, 1956] как «совокупность отдельных групп, каждая из которых владеет особенной культурной идентичностью и использует ее ради собственных политических и экономических целей» [Роккан, Урвин, 2003, с. 124]. На основании взаимного согласия эти группы заключают договоренности об обоюдной терпимости и защите друг друга. По сути, это и есть нация в политическом смысле, нация как тело политики.

Понятия «территориального пространства» и «пространства членства» помогают Роккану построить своего рода «идеальные конструкции», в рамках которых преодолевается полярность «центр – периферия». Так, при доминировании «территориального пространства», при сохранении экономических отличий между центром и периферией происходят процессы политической централизации и культурной стандартизации (напоминает определение «национализаторской политики» у Линца и Степана). Результатом такой политики становится моноцентрическое государство. При доминировании же «пространства членства» существует не один центр, но несколько экономических и политических центров, имеющих разную культурную идентичность (формируется полицентричное государство).

Сравним две части Европы – Восточную и Западную. Большую часть современной Западной Европы занимают стабильные (с некоторыми оговорками) национальные демократические государства, в то время как в Восточной Европе процессы национального строительства не завершены, многие попытки установить демократические режимы не увенчались успехом. Почему так случилось? Если посмотреть на европейские государства в историческом срезе, можно увидеть, что в Западной Европе процессы формирования наций, государственного строительства и построения демократий протекали в разное время. Активное государственное строительство здесь началось уже после распада Римской империи, хотя жители этих территорий еще долгое время сохраняли общность языка и культуры (латынь и греческий несколько столетий оставались средством общения для элиты всего региона). Лишь в эпоху Реформации с изобретением книгопечатания, давшего импульс массовому печатанию книг на местных языках, произошел окончательный разрыв с латинскими и греческими стандартами и возникли условия для развития национальных стандартов (активация национального строительства). И лишь несколько веков позднее произошел расцвет демократических идей и началась демократизация.

В Восточной Европе, напротив, все эти сложные процессы протекали в один сравнительно небольшой период, в результате решение сразу нескольких масштабных проблем одновременно оказалось для многих государств слишком сложной задачей. Ярким примером являются дилеммы политического развития Восточной Европы межвоенного периода. По окончании Первой мировой войны начинает складываться новая система международных отношений, которая сопровождается интенсивным национальным и государственным строительством в Восточноевропейском регионе. Связано это, в первую очередь, с распадом последних европейских империй (Австро-Венгерской, Священной Римской империи германской нации), на осколках которых и образовалось большинство восточноевропейских государств.

Следует заметить, что по своей природе империи являются открытыми системами и устойчивость их зависит от постоянного роста, т.е. расширения границ путем присоединения все новых территорий, часто населенных представителями иных народностей

и культур. Открытость и рост делают империю крайне расточительным способом организации [Бакка, Ильин, 2002]. Иными словами, империя запрограммирована на постоянное расширение своих границ, что неизбежно ведет к ослаблению власти центра на перифериях, которые становятся все более отдаленными. Успехи и неудачи имперской экспансии способствуют формированию внутренней структуры политических систем: чем дальше друг от друга центр и периферия, тем сложнее распределение ролей внутри системы и поддержание политического порядка и тем сильнее потребность в нормах, которые будут легитимны для жителей всех уголков империи независимо от их национальной и территориальной принадлежности. При распаде империй распадаются и наднациональные и надтерриториальные нормы, объединявшие ее жителей. В результате в рамках границ бывшей империи образуется множество разнонациональных осколков. Если центром империй использовалась переселенческая политика, то представители одной народности могут быть разбросаны по разным территориям, исторически принадлежащим представителям другой национальности. Таким образом, в силу многонационального состава империи процесс государственного строительства на ее территории после распада затрудняется из-за несовпадения национальных и территориальных границ. Следовательно, построение демократии на данной территории также усложняется.

Постимперский контекст оказал существенное влияние на формирование наций и построение демократических государств в Восточной Европе. Многие политические элиты этих стран были уверены в том, что западная модель демократического государства применима к их государствам. Большую часть XIX и в начале XX в. европейская история, казалось, доказывала, что демократия и национализм не только совместимы, но и подпитывают друг друга. Обретение Грецией независимости, революции 1848–1849 гг. и объединение Италии демонстрировали, что борьба за свободу от иностранного господства включает в себя призывы к индивидуальной свободе, и что еще более важно, «угнетенные» народы Восточной Европы, в частности в империи Габсбургов, делали акцент на мирной и подчас парламентской борьбе за независимость. Следовательно, казалось естественным, что национальный суверенитет должен сочетаться с установлением демократического прави-

тельства. В реальности, однако, оказалось, что достичь этого не просто. Поскольку национальные и территориальные границы проживания групп, населявших регион, существенно не совпадали, возникло противостояние национальной и демократической легитимности. Вместо того чтобы признать такое положение дел, многие восточноевропейские лидеры руководствовались примордиалистскими принципами, при которых политическая единица и национальная группа должны совпадать (например, курс Дьюлы Гембеша в Венгрии).

Были в этих странах и другие факторы (в частности, классовые конфликты), которые ускорили политические кризисы, повлекшие за собой крах демократии, но если бы национальные проблемы в этих государствах были менее острыми, тело политики было бы менее уязвимым перед такими воздействиями [Thompson, 2002, р. 23]. Это соответствует утверждению Д. Растоу о том, что социально-экономические конфликты не препятствуют демократизации. Напротив, демократия стала эффективной политической системой именно в тех странах, где существовали основные противоречия по экономическому и социальному принципу (Англия, Австралия, Новая Зеландия, Скандинавские страны). В тех же странах, где расколы имели национальную, религиозную или расовую природу (Бельгия, Голландия, Канада, США), демократизация протекает значительно труднее [Растоу, 1996]. В Восточной Европе, где национальные границы категорически не совпадали с территориальными границами государств – бывших имперских «обломков» (Австрия, Венгрия, Чехословакия, Румыния, Польша), процессы демократизации, в конце концов, потерпели неудачу. Установились недемократические режимы, лидеры которых придерживались примордиалистских принципов, ограничивая и подавляя национальную и политическую автономию. Примордиалистские идеи можно найти у Эдварда Бенеша в Чехословакии, Отто Бауэра в Австрии, Юзефа Пилсудского в Польше. В результате отголоски прошлого звучат в государствах уже современной Восточной Европы, где решение национальных проблем по-прежнему не завершено и требует продолжения изучения, но уже с учетом современных тенденций политического развития.

Впоследствии теория Роккана получила продолжение в работах С. Бартолини, который пытался создать универсальную мо-

дель формирования государств и наций [Bartolini, 2005]. Бартолини утверждал, что формирование любого государства складывается из консолидации границ различного рода и внутреннего политического структурирования политики. Для создания всеохватной модели возникновения и развития государства и нации Бартолини пытался соединить макроуровневую теорию Роккана, ключевыми понятиями которой были «формирование центра», «строительство системы», «политическое структурирование», и теорию экономиста А. Хиршмана, описывающую стратегии индивидуального поведения по отношению к существующим в политике формальным правилам [Хиршман, 2009, с. 35]. Согласно Бартолини, основным понятиям теории Роккана соответствуют ключевые понятия из теории Хиршмана: «голос», «лояльность» и «выход». «Лояльность» рассматривалась как следование существующим правилам, «голос» – как нежелание следовать невыгодным правилам, а «выход» – как форма протеста и отказ от участия в рамках существующих невыгодных правил [Мелешкина, 2009].

Соединение концепций Роккана и Хиршмана позволило Бартолини более четко и наглядно объяснить взаимодействие между центром и периферией в процессе формирования государств и наций. А с учетом концептуальной карты Европы можно заметить связь между консолидацией границ и внутренней стабильностью политики. Консолидация границ влияет на соотношение «голоса» и «выхода», поскольку от устойчивости границ зависят распределение и концентрация власти внутри политики, расположенной в этих границах. Так, при открытых границах у несогласных с общими правилами индивидов больше возможностей использовать «выход», и наоборот, чем более консолидированы границы политики, тем больше индивидам приходится использовать «голос». «Закрытость» границ способствует более активному политическому структурированию внутри страны, стабилизации политической системы, а также легитимации власти.

Отсюда степень «открытости» границ влияет также на формирование демократического режима. Поскольку одним из ключевых условий для построения демократии является компромисс, при «закрытости» границ, когда индивиды вынуждены оставаться в рамках системы и договариваться (используя «голос»), создаются условия, благоприятные для формирования демократии. И наобо-

рот, в странах с незавершенным национальным строительством, т.е. с несовпадающими территориальными и национальными границами, возникает «открытость» границ, не способствующая стабилизации политической системы и формированию демократических институтов.

Таким образом, зависимость между формированием наций и демократизацией существует. Для успеха демократии необходимы национальное единство и четко установленные границы, находящиеся под контролем политических акторов, достигнувших компромисса внутри страны. При активном национальном строительстве на постимперском пространстве эти условия обеспечиваются не всегда, и установление демократии затрудняется или существенно замедляется.

Литература

- Бакка П., Ильин М.В.* Разгадывая Европу. Загадка первая: Translatio imperii // Космополис. – М., 2002. – № 1. – С. 125–144.
- Линц Х., Степан А.* «Государственность», национализм и демократизация // Полис. – М., 1997. – № 5. – С. 9–30.
- Мелешкина Е.Ю.* Формирование государств и наций на постсоветском пространстве: Непризнанные государства // Мировая политика: Взгляд из будущего. Материалы V Конвента РАМИ / Под общ. ред. А.В. Торкунова. – М.: МГИМО, 2009. – Т. 18: Асимметрия мирового суверенитета: Зоны проблемной государственности / Под ред. И.В. Кудряшовой. – С. 79–88.
- Растоу Д.А.* Переходы к демократии: Попытка динамической модели // Полис. – М., 1996. – № 5. – С. 5–15.
- Роккан С.* Города, государства и нации: Пространственная модель изучения различий в развитии // Политическая наука. – М., 2006. – № 4. – С. 46–73.
- Роккан С., Урвин Д.В.* Политика территориальной идентичности: Исследования по европейскому регионализму // Логос. – М., 2003. – № 6. – С. 117–132.
- Роккан С.* Центр-периферийная полярность: (Перевод) // Политическая наука. – М. 2006. – № 4. – С. 73–101.
- Хиришман А.О.* Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств. – М.: Новое издательство, 2009. – 156 с.

- Bartolini S.* Restructuring Europe: Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union. – Oxford: Oxford univ. press, 2005. – 448 p.
- Jankauskas A., Gudžinskas L.* Reconceptualizing transitology: Lessons from post-communism // Lithuanian annual strategic review / Military academy of Lithuania, Institute of international relations and political science of the University of Vilnius. – Vilnius, 2007. – P. 181–199.
- Linz J., Stepan A.* Problems of democratic transition and consolidation. – Baltimore; L.: The Johns Hopkins univ. press, 1996. – 504 p.
- Tilly Ch.* Reflection on the history of European state-making // Formation of national states in Western Europe. – Princeton: Princeton univ. press, 1975. – P. 3–83.
- Thompson M.* Building nations and crafting democracies – competing legitimacies in interwar Eastern Europe // Authoritarianism and democracy in Europe, 1919–39 / Berg-Schlosser D., Mitchell J. (eds.). – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2002. – P. 20–38.
- Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. – Tübingen: Mohr, 1956. – xviii, 1033 p.